

ПИСЦЫ И СЕКРЕТАРИ В АФИНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается деятельность писцов и секретарей в афинских судах. Отмечается, что у должностных лиц, задействованных в судопроизводстве, прежде всего, архонтов-фесмофетов, был штат писцов-секретарей: γραμματεῖς и ὑπογραμματεῖς. Их основными функциями были: составление текста иска (в V в. до н. э., в IV в. тяжущиеся подавали иски в готовом виде), подготовка копий решений для хранения, зачитывание свидетельских показаний и иных документов во время процесса. Делается вывод: на протяжении V–IV вв. до н. э. происходит «письменнизация» афинского судопроизводства, связанная, в том числе, с ростом грамотности в афинском обществе. Однако, по мере того, как сами афинские граждане всё больше превращались в писцов, падало реальное политическое и общественное значение секретарей и их помощников, превращающихся в ничтожных «технических» работников.

Ключевые слова: классические Афины, афинское судопроизводство, писцы, секретари, иск, Аристофан, античная грамотность

Аристотель, отметив общепользность грамотности, следующим образом определил сферы применения письменности (τὰ γραμματὰ) в древнегреческом полисе: она нужна и для ведения денежных дел (πρὸς χρηματισμόν), и для домоводства (πρὸς οἰκονομίαν), и для научных занятий (πρὸς μάθησιν), и для многих отраслей государственной деятельности (πρὸς πολιτικὰς πράξεις πολλὰς) (Pol., 1338a 15–17).

Для последних целей (πολιτικὰὶ πράξεις) письменность и – соответственно – писцы использовались в афинском полисе еще в эпоху архаики. Применение письменности в публичной сфере, как известно, началось со списков должностных лиц и записи за-

конов. Первые записи публичных актов влекут за собой первые упоминания о писцах как официальных лицах. В Афинах – это две надписи с афинского акрополя, датируемые серединой VI в. до н. э.¹ С этого момента мы можем определенно говорить о появлении в афинском государстве новой должности – $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\epsilon\upsilon\varsigma$; по мере усложнения общественной жизни и развития демократических институтов и процедур писцов и/или секретарей становилось всё больше, а сфера применения их всё шире.

Одна из важнейших областей афинской общественной жизни, в которой использовались и письменные документы, и профессионалы-писцы, – судопроизводство. Классические Афины, как известно, – город сутяг. Практически каждый афинский гражданин подобно тому, как хоть раз в жизни занимал какую-либо общественную должность, хотя бы раз принимал участие в судебном разбирательстве: у диэтета – третейского судьи или у судей по демам, в гелиэе – народном суде, в Ареопаге, суде эфетов и т. д. Древняя комедия пестрит насмешками на тему одержимости афинян сутяжничеством². Когда, например, Стрепсиаду в аристофановских «Облаках» ученик показывает на карте Афины, тот заявляет: «Пустыня, не верю я: присяжных здесь не видно заседателей» (207–208 – перевод А. Пиотровского); когда в «Птицах» покинувшие Афины герои встречают Удоду и тот узнает, что путники из Афин, он восклицает: «Неужели гелиасты!» (109) и т. д. Страсть афинян к сутяжничеству вошла чуть ли не в поговорку (Ps.-Xen., III, 2; Thuc., I, 77, 2; Xen. Mem., III, 5, 16 etc.). Из слов Фукидида (I, 77, 2) следует, что, по мнению многих греков, любовь к судам была отличительной особенностью именно афинян (они – $\phi\lambda\omicron\delta\iota\kappa\omicron\iota$). При такой интенсивности тяжб очевидным образом обслуживать афинские суды должно было немалое количество «вспомогательного персонала», включая секретарей и писцов.

Самым главным судебным секретарем был, несомненно, секретарь фесмофетов. Архонты-фесмофеты когда-то (в VI в. до н. э.) вообще выносили судебные приговоры; затем, после того как гелиэя стала судом первой инстанции³, вели предварительное следствие, председательствовали в дикастериях – судебных комиссиях (палатах) гелиэи. Фактически секретарь фесмофетов – такой же магистрат, как и сами архонты. По свидетельству Аристотеля, его выбирали точно так же, как и архонтов, – по жребию (Ath. pol. 55, 1); толь-

ко в отличие от архонтов, которые проходили докимасию (проверку перед вступлением в должность) в Совете, а затем – в гелиэе, секретарь проходил её только в гелиэе (Aristot. Ath. pol. 55, 2; Poll. VIII, 92). Когда появилась данная должность, неизвестно – возможно, в 487/486 г. до н. э.⁴ Функции секретаря фесмофетов были достаточно важны, но подробности нам неизвестны; видимо, в том числе, секретарь помогал архонтам-фесмофетам при осуществлении судопроизводства. То, что секретарь оказался десятым при девяти архонтах, стало играть важную роль в IV в. до н. э., когда была введена новая система распределения судей по палатам-дикастериям, и десятый магистрат был необходим для проведения жеребьевки судей, проводимой по десяти афинским филам (Aristot. Ath. pol. 59)⁵.

Однако, секретарь фесмофетов – это не писец; реальную канцелярскую работу в афинских судах делали другие работники. Но перед тем, как выяснить, чем же они конкретно занимались, отметим ряд особенностей афинского судопроизводства.

Судопроизводство в Афинах, как и в других греческих государствах, изначально было устным: очевидно, в тех или иных формах оно существовало еще до появления письменности в VIII в. до н. э.⁶ Очевидно также, что и после появления писаных законов и начала использования письменности в общественной жизни в соответствии с теми или иными потребностями полиса, судебная процедура еще какое-то время была устной⁷, т. е. предъявление иска, свидетельств, слушание дела в суде обходились без каких-либо записей. В Афинах, как известно, существовало несколько видов иска и способов инициации судебного разбирательства⁸. Тяжба начиналась следующим образом⁹. Истец или обвинитель в присутствии «понятых» (κλητήρες) вызывал в суд ответчика, т. е. призывал его в определенный день явиться к тому начальству, которому было подсудно возбуждаемое дело (Dem., XXXIV, 13; XL, 28). Далее соответствующему должностному лицу (архонту, стратегу, члену коллегии Одиннадцати и проч.) подавалась жалоба, а должностное лицо назначало предварительное следствие – ἀνάκρισις (Dem., LVIII, 8). Иски делились на две большие категории – δίκαι и ὑραφαί: частные иски мог подавать только сам потерпевший или, в случае его смерти, – родственники в строго определенном порядке. С иском по государственным преступлениям мог выступить любой желающий – это одно из солоновских преобразований, ко-

торое Аристотель включил в число наиболее демократических нарядов с отменой долговой кабалы и введением народного суда – гелиэи (Aristot. Ath. pol., 9, 1; также Plut. Sol., 18, 5)¹⁰.

Если судить по значению понятий, обозначавших два рода исков, частные иски изначально не требовали записи в отличие от исков государственных. В то же время, появление понятий $\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}$ и $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ в техническом правовом смысле не означало обязательно, что тяжущийся сам составлял иск в письменной форме и передавал его должностному лицу. Медиальный залог $\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ указывает как раз на то, что составлял и записывал текст жалобы истца либо сам магистрат, либо писец (секретарь)¹¹. Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что самое раннее использование письменности в судопроизводстве связано с должностными лицами – скорее всего, этим занимались секретари (писцы), а первым письменным документом была жалоба (иск).

Когда именно стали подавать $\gamma\rho\alpha\phi\acute{\alpha}\iota$ в письменном виде – неизвестно¹², как и то, когда такое же требование стало предъявляться к частным искам $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$. Переход к записи исков, случившийся на протяжении V в. до н. э., соответствовал общей тенденции – «письменизации» общественной жизни в Афинах, каковая, в свою очередь, обусловлена была целым рядом факторов. Среди прочих, упомянем и растущее могущество государства, необходимость управления державой (к примеру, вести списки выплаты союзниками фороса); и развитие демократических институтов, чей механизм становится всё более изощренным: народное собрание без устали принимает разнообразные декреты, должностные лица постоянно представляют свои отчеты, беспрестанно заседает народный суд. Можно с уверенностью сказать, что к последней четверти V в. (т. е. примерно к 425 г. до н. э.) секретарская работа по оформлению исков (любых) стала частью афинской судебной процедуры, а иски – как частные, так и государственные – подавались в письменном виде. Свидетельством тому выступают комедии Аристофана.

В «Облаках» (поставлены в 423 г. до н. э.) Стрепсиад, которого одолевают кредиторы, хочет как-то вывернуть дело наизнанку и ускользнуть от потенциальных истцов, он приходит к Сократу в его «мыслильню», прося, чтобы тот научил его «речи, с которой долгов не платят» (Neb., 245). Сократ дает ему «хитрые задачки»

для тренировки, в том числе: Если к нему предъявят иск в пять талантов, как его уничтожить? (Neb., 760). Стрепсиад решает эту задачу так: надо взять зажигательное стекло и, когда писец будет писать иск (ὅποτε γράφοιτο τὴν δίκην ὁ γραμματεὺς), поймать луч, навести и растопить воск на навощенной табличке (769–772). Обратим внимание на то, что в данном случае писец пишет именно частный иск (τὴν δίκην).

При буквальном прочтении одного пассажа из «Всадников» (424 г. до н. э.) может сложиться впечатление, что писарская работа в суде воспринималась некоторыми современниками Аристофана как достаточно выгодная должность. Пафлагонец, или Кожевеник (Клеон), потерпев поражение от Колбасника в агоне потчевания Демоса (Eq., 1200–1225), теряет расположение Народа. Колбасник торжественно надевает венки победителя, а хор его приветствует (1253–1256): «Привет тебе, торжествующий победу! Помни: ты стал мужем благодаря мне. Я прошу у тебя немногого: чтобы я стал у тебя Фаном – записывателем исков» (καὶ σ' αἰτῶ βραχύ, ὅπως ἔσομαι σοὶ Φανὸς ὑπογραφεὺς δικῶν). «Φανὸς» обычно толкуется как имя собственное, хотя Я. ван Леувен склонялся к тому, что это определение в значении «splendidum», т. е. «прославленный, блистательный»¹³. Что касается перевода названия должности, то мы разделяем мнение Г. Калхуна, который самым простым образом понимает ὑπογραφεὺς δικῶν – как синоним для ὑπογραμματεὺς или γραμματεὺς¹⁴. Известный английский переводчик Аристофана Б. Роджерс предлагал иное толкование: «тот, кто подписывает судебное предписание или обвинение» («signer of your writs»)¹⁵, т. е. второй (после главного) обвинитель, наподобие римского subscriptor; однако оно маловероятно, ибо невозможно обнаружить наличие субскрипторов в афинском судебном процессе¹⁶. Кстати, Фан упоминается и в «Осах» – там он предстает как приятель и собутыльник Клеона (Vesp., 1220)¹⁷; видимо, отсюда и восприятие Роджерсом данного персонажа как подручного Клеона в смысле «второго обвинителя».

Рискнем предположить, что «настоящий» Фан относился скорее не к числу судебных писарей, а к тем, кто обеспечивал их работой. Его деятельность была описана в соответствующих писарской должности терминах, ибо он неоднократно подавал иски – по собственной инициативе или (что более вероятно) «с подачи» Клео-

на: над страстью последнего к выдвижению обвинений из финансового и/или политического расчета Аристофан не раз насмехался (Eq., 255–265, 773–776; Vesp., 240–245; и, конечно, «вдохновленная» Клеоном сцена «собачьего суда» в «Осах» – 891–1121). В таком случае, не столько писарская (или секретарская) должность, приписываемая Фану, была доходной, сколько его сикофантская активность, приносящая ему немалую материальную выгоду, а его покровителю и приятелю Клеону – еще и политические дивиденды.

С большой долей вероятности мы можем утверждать, что в V в. до н. э. у должностных лиц, осуществляющих судопроизводство, прежде всего, архонтов-фесмофетов, был штат писцов-секретарей – γραμματεῖς и ὑπογραμματεῖς, не считая главного – секретаря фесмофетов. Это вполне соответствовало духу времени – в Афинах всё более распространялось явление, метко определенное С.И. Соболевским как «канцелярщина»¹⁸. Оратор в VI речи Антифонта, перечисляя тех, кого он намерен обвинить, указывает на «подсекретаря фесмофетов» (VI, 35: Κατηγορήσειν ἔμελλον Ἀριστίωνος καὶ Φιλίνου καὶ Ἀμπελίνου καὶ τοῦ ὑπογραμματέως τῶν θεσμοθετῶν). О писцах других должностных лиц: сборщиков чрезвычайных налогов/податей (пористов), тех, кто сдавал на откуп государственные долги и взыскивал недоимки с метеков (полетов), взыскивателей долгов, особенно государственных (практо-ров), – упоминается ниже (VI, 49: ...παρὰ τῶν ποριστῶν καὶ τῶν πωλητῶν καὶ τῶν πρακτόρων καὶ τῶν ὑπογραμματέων οἱ τοῦτοις ὑπεγραμμάτευον). Кстати, эти писцы могли быть задействованы и в судебной процедуре (на это указывает и контекст речи Антифонта), ибо деятельность должностных лиц, при которых они состояли, могла предполагать участие в тяжбах по взыскиванию долгов, недоимок и т. п.

К концу V в. до н. э. профессиональный цех секретарей, писцов, подсекретарей был достаточно многочисленен в Афинах; кто-то умудрялся извлекать из своей должности неплохой доход, но сама её массовость свидетельствовала о её, так сказать, «демократичности». Подсекретари («подьячие») не могли служить два года подряд (Lys., XXX, 29). Лисий объясняет это следующим образом: чтобы не оказывали дурного влияния на тех должностных лиц, при котором они состоят: секретарь, будучи сведу-

щим в делопроизводстве и законах, мог нежелательным образом воздействовать на своего начальника. Образ города, наполненного писцами-крючкотворами, предстает перед нами в аристофановских «Лягушках» (поставлены в 405 г. до н. э.). Эсхил сетует на падение нравов (виноват в этом развращении, само собой, Еврипид) и восклицает: «Вот от этих-то мерзостей / город у нас стал столицей писцов, крючкотворов, лгунов, / Лицемерных мартышек бесстыдных шутов, / Что морочат, калечат, дурачат народ» (Ran., 1083–1086: ...ἐκ τούτων ἡ πόλις ἡμῶν / ὑπογραμμάτεων ἀνεμεστῶθη / καὶ βωμολόχων δημοπιθήκων / ἐξαπατώντων τὸν δῆμον ἀεὶ – перевод А. Пиотровского)¹⁹. Именно в этом пассаже впервые (из дошедших до нас источников) встречается слово ὑπογραμμάτεως; Лисий также упоминает эту должность в известной речи «Против секретаря Никомаха по поводу его отчета» (XXX, 28, 6: καὶ ἑτέρους ἀνθρώπους ὑπογραμμάτεας), но она написана позже – к процессу Никомаха (около 399/398 г.).

Итак, в течение V в. до н. э. письмоводство укоренились в афинском судопроизводстве – вместе с соответствующими должностными лицами. Затевая шуточный собачий процесс в «Осах», Бделиклеон в числе прочего судебного снаряжения (урны, клепсидра, камешки для голосования) тащит τὰς σαρίδας καὶ τὰς γραφάς («дощечки и жалобы» – Aristoph. Vesp., 848), т. е. тексты исков и еще какие-то официальные записи. Из судебной практики IV в. до н. э. мы знаем, что на агоре у изображений героев-эпонимов фил вывешивались объявления о тяжбе на беленой деревянной доске (σαρίδες) (Aeschin., III, 199–200). Скорее всего, такая практика существовала и раньше; с меньшей долей вероятности можно предположить и какие-то иные официальные записи на σαρίδες: список судей, текст закона и т. п.

Первый пример иска, встречающийся в наших источниках, дают всё те же аристофановские «Осы»: в сцене «собачьего суда» приводится текст жалобы, которую приносит пес из дема Кидафин (т. е. Клеон – он родом из этого дема): «Эксонский пес Лабет меня обидел тем, что сицилийский сыр он съел один. Карать ремнем смоковничным» (895–896 – перевод Н.И. Корнилова). Очевидно, что сюжет пародийный, но он позволяет составить представление о форме и содержании обычного судебного иска. Для IV в. до н. э. нам известен целый ряд исков. Как, например,

у Демосфена: «Евктемон лусиец обвинил в дезертирстве Демосфена пзанийца» (Dem., XXI, 103). Или: «Аполлодор, сын Пасиона, ахарнянин, обвиняет Стефана, сына Менекла, ахарнянина, в лже-свидетельстве. Претензии оценивает в один талант. Стефан свидетельствовал против меня лживо, подтвердив своими показаниями то, что написано в документе». И здесь же – ответ обвиняемого: «Я Стефан, сын Менекла, ахарнянин, свидетельствовал истину, подтвердив своими показаниями то, что написано в документе» (Dem., XLV, 46 – перевод М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева). Помимо текста иска и ответа обвиняемого в объявлении значилось, где и когда будет слушаться дело. Именно эти тексты и выставлялись перед памятниками героев-эпонимов на *σπίδες* (Dem., XXI, 103). Мы можем предположить, что заносили на эти доски текст объявления «технические работники», т. е. судебные писцы или подсекретари.

В IV в. до н. э., во времена Демосфена, жалоба, как и раньше, подавалась в письменном виде, будь то частный или государственный иск, но если в V – начале IV в. жалобу истец предъявлял устно, а текст её потом записывал писец, то теперь тяжущийся передавал должностному лицу уже готовый текст. Истец сам должен был составить иск, а ответчик – ответ. Вместо терминов, встречающихся в более ранних источниках: *(ἐπι)δικάζεσθαι*, *προσκαλείσθαι*, *(δίκην) γράφεσθαι*, *αἰτιάσθαι*, *ἐγκαλεῖν*, *φάσιν ποιεῖσθαι* etc. – никак не подразумевающих, что иски писали сами тяжущиеся, с определенного момента у судебных ораторах появляются замечания, позволившие исследователям сделать вывод об изменении процедуры подачи иска²⁰.

Хотя составление и запись иска теперь были проблемой самого тяжущегося, это не означало, что судебные секретари и подсекретари остались без работы. Кто-то из них мог консультировать подающего жалобу, помогая с её формулировкой: было ли это частью их официальных обязанностей или частной «подработкой» – в виду молчания наших источников сказать что-либо определенное невозможно.

Выскажем предположение еще об одной должностной обязанности судебных писцов: фиксация решений суда, может, некое подобие протоколов судебных заседаний для хранения их в архиве. Относительно Афин у нас, правда, нет достоверной информации,

но судя по словам Аристотеля, этим в некоторых греческих полисах занимались особые должностные лица – «гиеромнемоны» или «мнемоны» (Aristot. Pol., 1321b 34–41²¹). Судя по их названию²², когда-то судебные решения писцы должны были заучивать наизусть – вероятно, для использования в последующей судебной практике; с развитием письменности логично было бы сохранять копии судебных приговоров в письменном виде²³.

Ещё одной разновидностью секретарской работы в афинском суде IV в. до н. э. было зачитывание свидетельских показаний. Раньше (в V в. до н. э.) свидетельские показания принимались в устной форме. В пародии на афинский процесс в аристофановских «Осах» Бделиклеон говорит своему отцу-судье: «выслушай свидетелей» (ἄκουσον... τῶν μαρτύρων), – а «свидетелю»-сыротерке: «поднимись и важно говори» (ἀνάβητι... καὶ λέξον μέγα – 962–963). В речах Андокида, Исократы и Лисия употребляются схожие выражения (например, And., I, 18, 69; Lys., XXXII, 28), а в речи Андокида «О мистериях» приводится целый диалог между оратором и отвечающим на его вопросы свидетелем Диогнетом (I, 14). Однако во времена Демосфена показания свидетелей представлялись только в письменном виде и зачитывались секретарем, хотя требовалось и личное присутствие давших показания, чтобы при необходимости свидетель подтвердил их верность. В одной из своих речей Демосфен цитирует этот закон и объясняет его цель: «закон предписывает свидетельствовать в письменном виде, чтобы невозможно было ни прибавить, ни отнять что-либо из написанного» (XLV, 44 – перевод М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева).

Переход от устной к письменной форме дачи свидетельских показаний впервые подробно рассмотрел Р. Боннер, он же определил примерную дату, когда это произошло: после 380 г. (окончание карьеры Лисия) – середина 70-х гг. (до появления основной массы речей Исея)²⁴. Г. Калхун уточнил эту дату, связав воедино переход к подаче исков, записанных самими тяжущимися, и представление письменных свидетельских показаний; по его мнению, была произведена некая ревизия судебной процедуры и принят соответствующий закон (часть его и цитирует Демосфен). Эта реформа могла иметь место в 378/377 г. – год архонтства Навсиника, когда был образован Второй афинский морской союз, Афины реорганизовали свою финансовую систему; больших затрат требовали и

приготовления к предполагаемой войне со Спартой (Diod., XV, 29, 7)²⁵. Доказать здесь ничего невозможно, но серьезных возражений против датировки Г. Калхуна, насколько нам известно, никто не выдвигал²⁶; соображения же экономии действительно могли приниматься в расчет при проведении судебной реформы.

Если говорить о причинах этого перехода, то таковыми могли быть следующие²⁷: 1) в нем были, прежде всего, заинтересованы участники тяжб – неискушенному тяжущемуся трудно было извлекать ex tempore важные факты, выпрашивая свидетелей, или контролировать их свободную речь; кстати, это же соображение могло вызвать и отказ от записи жалобы in loco и переход к предварительной записи самим истцом текста иска с последующей передачей его в готовом виде должностному лицу или его секретарю; 2) это новшество значительно упрощало работу логографов, составлявших речи; 3) оно облегчало доказательство лжесвидетельства – письменный документ воспринимался как более надежный, в том смысле, что он легче поддавался проверке в случае разногласий и противоречивых утверждений сторон; да, его можно было и подделать, но для воспрепятствования такому соблазну в суде по-прежнему присутствовали свидетели, а сами документы хранились в запечатанных урнах; 4) наконец, зачитывание свидетельских показаний сокращало время судебных заседаний и таким образом экономило деньги, идущие на оплату судьям, которые за день заседания теперь могли рассматривать больше дел. Трудно сказать, получилась ли экономия на отказе от услуг «государственных» писцов при составлении жалоб, но можно высказать и такое предположение.

Кто именно записывал свидетельские показания, зачитываемые потом в суде? Очевидно, в каких-то случаях сам тяжущийся или его помощники (синегоры), или грамотные рабы/слуги. Мы знаем из нескольких речей Демосфена и Демосфенова корпуса, что за хозяев могли составлять различные документы и соглашения их грамотные рабы, т. е. последние выполняли работу «домашнего секретаря». Так, в речи «Против Апатурия»²⁸ упоминается, что некий документ написан рукой слуги византийского купца Парменонта, т. е. тот писал за своего хозяина или под его диктовку ([Dem.], XXXIII, 17 – γεγραφέναί γάρ αὐτὰ οἰκέτην ἑαυτοῦ). В III речи против своего опекуна Афоба Демосфен заявляет, что он готов был выдать для допроса под пыткой своего раба, кото-

рый записывал когда-то свидетельство Афоба. Как уверяет оратор, этот раб «узнал бы свою запись и вспомнил бы в точности, что он засвидетельствовал это» (XXIX, 21: ὃς τά τε γράμματα ἔμελλεν γνῶσεσθαι τά ἑαυτοῦ καὶ τοῦτον ἐμνημόνευεν ἀκριβῶς μαρτυρήσαντα ταῦτα – перевод Г.Я. Тароняна). Несколько раньше Демосфен подробно описал, как происходила запись: раб, знающий грамоту (γράμματα ἐπιστάμενον), присутствует в момент произведения свидетельства, записывает его, при этом хозяева его смотрят, чтобы он не искажил текст, ничего не опустил и записывал «всю правду» (πάντα ἀληθῆ) (Dem., XXIX, 11).

Как уже было сказано, зачитывал свидетельские показания на судебном заседании секретарь-γραμματοεὐς – как и другие документы, которые приготовил для судебного разбирательства тяжущийся. Все показания, документы и другие доказательства каждый из участников тяжбы помещал и запечатывал в бронзовый или глиняный сосуды – ἔχινος; его содержимое значилось на крышке сосуда вместе с именами должностного лица, ведущего дело, и того участника тяжбы, к которому относился данный сосуд. Феофраст в «Характерах» рисует типичный для того времени образ тяжущегося: он ведет по несколько тяжб, то как ответчик, то как истец, является с ἔχινος за пазухой и со связкой документов в руках (Theophr. Char., VI, 8). Такой глиняный ἔχιμος IV в. до н. э. с предварительного слушания (ἀνάκρισις) был найден американскими археологами при раскопках на агоре; материалы были опубликованы А. Беджхолдом. Судя по тексту на сосуде, внутри него находилось четыре документа: διαμαρτυρία (свидетельство), закон о плохом обращении с наследницей, письменный вызов свидетелей, клятва тяжущегося²⁹.

Во время суда γραμματοεὐς доставал по ходу речи тяжущегося (когда тот его об этом просил) документы, свидетельства, «улики» – предъявлял и/или зачитывал их текст. Это были и тексты законов, псефизм, жалобы (иски), контракты и даже поэтические сочинения. Кстати, время, в течение которого секретарь по просьбе тяжущегося зачитывал документы из «его» ἔχιμος, не считалось (Aristot. Ath. pol., 67, 3), и выступающий просил приставленного к клеписидре судью «остановить воду» (ἐπιλαμβάνειν τὸ ὕδωρ – см., например, Dem., XLV, 8). Приведем несколько примеров секретарской работы: Гиперид просит зачитать текст иска (γραφή) (II, 13);

Эсхин, в речи против Тимарха просит секретаря зачитать отрывок из Гомера (I, 147–148 – ἀναγνώσεται ὑμῖν ὁ γραμματεὺς τὰ ἔπη τὰ περὶ τούτων ἃ Ὀμηρὸς πεποίηκε); в речи Эскина «О преступном посольстве» секретарь зачитывает псефизмы и свидетельские показания (II, 46 – λαβέτω μοι τὸ ψήφισμα ὁ γραμματεὺς, καὶ τὰς τῶν συμπρέσβων μαρτυρίας ἀναγνώτω). Греческие (как впрочем, потом и римские) ораторы чаще всего не уточняют, что зачитывать документы в суде будет секретарь – говорят просто «возьми», «прочитай», «позови» и т. п., как Эсхин в той же речи «О преступном посольстве» (λαβέτω, ἀναγνώτω etc.; см. также Aeschin., II, 54 – Κάλει δέ μοι καὶ τοὺς συμπρέσβεις, καὶ τὰς μαρτυρίας αὐτῶν ἀνάγνωθι καὶ τὰ ψηφίσματα...).

Обращает на себя внимание тот факт, что слово ὁ γραμματεὺς (Вос. γραμματεῦ) и производные от него очень редко встречаются в текстах речей по отношению к судебным секретарям/писцам: мы насчитали около 10 таких упоминаний в речах ораторов (кроме вышеупомянутых примеров из Гиперида и Эскина, см.: Dem., XIX, 270; XLII, 29; LVIII, 8; Aeschin. I, 2; I, 11; Нур. IV, 40; Лус., I, 36). По нашему мнению, это упущение не случайно и является следствием пренебрежительного отношения в IV в. до н. э. к судебским «техническим» работникам – секретарям (γραμματεῖς) – и их помощникам – писцам, или подсекретарям (ὕπογραμματεῖς).

Да, были, конечно, в Афинах «значимые» секретарские должности: в IV в. до н. э. главный афинский секретарь – секретарь «по притании» (раньше – секретарь Совета), который заведует документами, хранит изданные постановления, скрепляет документы своей подписью, присутствует на заседаниях Совета (Arist. Ath. pol. 54, 3); именно его имя значится в прескриптах декретов³⁰. Есть еще секретарь «по законам» (Arist. Ath. pol. 54, 4) и секретарь «по псефизмам»³¹ – они отвечают, в том числе, за хранение копий декретов и законов. Вышеупомянутые секретари выбираются по жребию, в отличие от выбиравшегося голосованием «секретаря полиса», который должен был зачитывать документы народу и Совету (Arist. Ath. pol. 54, 5). Секретарь фесмофетов, о котором мы уже говорили, также важная персона; как и другие «главные» секретари, он считался магистратом. Но это именно секретари, не писцы, т. е. сами непосредственно не занимающиеся канцелярской работой. Хотя создается впечатление, что в IV в. до н. э. несколько

измельчали и эти, ранее весьма почтенные должности. Аристотель замечает, что раньше, когда секретарей Совета избирали поднятием рук, эту должность занимали люди наиболее известные и пользующиеся доверием (Ath. pol. 54, 3 – καὶ τοὺς ἐνδοξοτάτους καὶ πιστοτάτους), намекая на то, что после того, как их стали выбирать жребием, авторитет должности пошатнулся³².

Если престиж «главных» секретарских должностей упал, что уж говорить о рядовых бюрократических работниках. В качестве иллюстрации приведем те издевательские замечания, которые делал Демосфен по поводу секретарского прошлого Эсхина. Демосфен старался поднять своего противника на смех, называя его презрительно «подписарем», т. е. «помощником секретаря» – ὑπογραμματέως (Dem., XIX, 70). Из дальнейшего текста мы узнаем, что Эсхин зачитывал законы в Народном собрании и Совете³³. На самом деле, Эсхин одно время (до того, как отправился с посольством в Македонию) занимал далеко не последнюю в Афинском государстве секретарскую должность – скорее всего, «секретаря полиса»; и в этом качестве он должен был зачитать документы (законы) народу и Совету (на что и указывает Демосфен)³⁴. Должность, как уже было сказано, была выборной (видимо, чтобы попадали на неё люди достаточно грамотные), оплачиваемой и в определенной мере почетной (в качестве бонуса полагался обед с пританами в толосе). Судя по издевкам Демосфена, еще раньше Эсхин служил на каких-то подсекретарских должностях при неких должностных лицах³⁵, но подробности нам неизвестны.

Скромные канцелярские служащие уداивались не только насмешек зловычных ораторов, но в редких случаях – и публичной похвалы. Из одной надписи приблизительно середины IV в. до н. э. (IG II² 2813) мы узнаем, как благодарные диэтеты (третьейские судьи)³⁶ отмечают работу своих помощников: «Диэтеты решили наградить секретаря и подсекретаря и увенчать венком из маслины ради доблести и справедливости» (ἔδοξεν τοῖς διαιτηταῖς ἐπαινεῖσαι τὸν γραμματέα καὶ τὸν ὑπογραμματέα καὶ στεφανῶσαι αὐτὸς θαλλῷ στεφάνῳι ἀρέτης καὶ δικαιοσύνης ἕνεκα)³⁷. Среди диететов, довольно многочисленной коллегии, было немало фетов³⁸ – людей, в лучшем случае малограмотных³⁹, так что помощь секретарей для судей-арбитров была существенным подспорьем в осуществлении их обязанностей.

Подведем некоторые итоги. Зафиксируем тенденцию, прослеживаемую на протяжении всего классического периода афинской истории, – «письменизацию» судопроизводства. Мы уже говорили о причинах перехода к письменным свидетельским показаниям; бóльший вес теперь имеют письменные документы, предоставляемые сторонами. Схожие тенденции прослеживаются и в других сферах афинской жизни – афинское общество в IV в. до н. э. становится чуть менее устным, в большей степени «письменно-зависимым» и чуть более «документированным»⁴⁰. Отметим ряд обстоятельств, приведших к возросшей «документированности» афинской жизни. Во-первых, вместе с усложнением общественной жизни и дальнейшим развитием общественных институтов более изощренной становилась и процедура. Далее, хотя античная Греция (как, впрочем, и Рим) была по преимуществу культурой устного, а не письменного слова⁴¹, и «живое слово» в Афинах обладало не меньшей, а может, большей доказательной силой, чем документ⁴², – на протяжении всего IV в. до н. э. неуклонно растет доверие к письменному документу. Возможно, определенный толчок дала практика деловых сделок (различные контракты, фиксация займов) в динамично развивающейся торгово-купеческой среде. Наконец, «письменизация» была связана с ростом грамотности в афинском обществе. Умение писать становилось общественно значимым⁴³ – без него невозможно было в полной мере реализовывать свои гражданские права, участвовать в подготовке и принятии законов (ведь теперь предлагаемые законопроекты выставляются в письменном виде на всеобщее обозрение⁴⁴), успешно отстаивать своё дело в суде, а также извлекать максимум выгоды из своей экономической деятельности (особенно, если она связана с торговлей).

По мере того, как афинские граждане сами все больше превращались в писцов, составляли деловые контракты, писали иски – слабел пиетет перед секретарской профессией, падало реальное политическое и общественное значение γραμματεῖς и их помощников ὑπογραμματεῖς. С одной стороны, в процессе «письменизации» афинской жизни множилась численность этих бюрократических работников и расширялась сфера их деятельности, с другой, – происходило их, так сказать, измельчание. За исключением ряда ключевых «секретарских» должностей, секретарь, он же писец, –

технический работник, лицо малозначащее, ничтожное, почти презренное – Акакий Акакиевич классической Греции.

Примечания

- ¹ *Raubitschek A.E.* Dedications from the Athenian Akropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries B.C. Cambridge, Mass., 1949. Nos. 327, 328 – речь идет об организации «наблюдателями за жертвоприношениями» (ἱεροποιοί) состязаний в беге в связи с религиозным празднеством.
- ² См. подробнее: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в «Осах» и других комедиях Аристофана // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 8 (34). Общественные и гуманитарные науки. С. 178–179.
- ³ О различных версиях современных исследователей относительно того, когда именно произошло превращение гелиэи из апелляционного суда в суд первой инстанции, см.: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 38–42.
- ⁴ *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxford, 1993. P. 614.
- ⁵ О том, как осуществлялась эта весьма изощренная процедура, – см.: *Dow S.* Aristotle, the Kleroteria and the Courts // HSCIPh. Vol. 50. 1939. P. 1–34; *Кудрявцева Т.В.* Как афинские судьи распределялись по дикастериям // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб-к статей. Вып. 5. СПб., 2006. С. 215–222.
- ⁶ О судопроизводстве в гомеровскую эпоху («темные века») и раннюю архаику – см.: *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I. Chicago, 1930. P. 25–42; *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. London, 1978. P. 11–23; *Gagarin M.* Early Greek Law. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1989. P. 19–50.
- ⁷ См.: *Calhoun G.M.* Oral and Written Pleading in Athenian Courts // TAPhA. Vol. 50. 1919. P. 178.
- ⁸ См., например: *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Hildesheim, 1966. S. 449; *Hansen M.H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes // OUCS. Vol. 6. 1976. P. 9–28, 120; *MacDowell D.M.* Op. cit. P. 57–59.
- ⁹ В деталях эта процедура известна нам благодаря Демосфену и другим ораторам IV в. до н. э., но едва ли она претерпела серьезные изменения по сравнению с предыдущим веком.
- ¹⁰ Отличие «государственного» преступления от «частного» в Афинах было порой весьма условно. Предполагалось, что в «государ-

ственном» процессе затронуты интересы государства (в целом или его отдельных представителей), на деле, одно и то же преступление можно было толковать по-разному и соответственно подавать разные виды исков (прекрасный пример – Dem., XXII, 26); от типа процесса зависели виды наказаний и степень ответственности истца. См.: *Hansen M.H.* The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology. Oxford, 1991. P. 193–194; *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. I: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 226–229; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. С. 181–183.

¹¹ *Calhoun G.M.* Op. cit. P. 178–179. См. примеры медиального значения в *Liddle H.R., Scott R.* Greek-English Dictionary. Oxford, 1999: *write for oneself* or *for one's own use, note down* (мы пользовались электронной версией на сайте: <http://www.perseus.tufts.edu>). Медиальный залог часто используется в судебном языке, указывая на совершение действия должностного лица в отношении тяжущегося. Так, ἀνακρίνει (допрашивает, ведет следствие), а тяжущийся ἀνακρίνεται, etc.

¹² Во времена Аристофана – это была уже устоявшаяся практика; см. употребление γραφή и γράφεσθαι как судебного термина в: *Acharn.*, 679, 714; *Eq.*, 306, 442; *Neb.*, 1481–2; *Vesp.*, 842, 881, 894, 907 *Ps.-Xen.*, III, 2.

¹³ *Aristopanis Equites cum prolegomenis et commentariis* / Ed. J. van Leeuwen. Lugduni, 1900. P. 215 – со ссылкой на грамматика Фриниха.

¹⁴ См., например: *Calhoun G.M.* Op. cit. P. 182. Заметим, что γραμματεὺς понимается и соответственно переводится в зависимости от контекста либо как «писарь», либо как «секретарь».

¹⁵ *Aristophanes with the English translation of B.B. Rogers.* Vol. I. London, 1930. P. 245. См. такое же значение в: *Liddle H.R., Scott R.* Greek-English Dictionary: ὑπογραφεὺς δικῶν appears to mean *a signer of accusations on behalf of another*.

¹⁶ См.: *Calhoun G.M.* Op. cit. P. 182, note 29.

¹⁷ Высказывалось предположение и о «говорящем» имени Фана как сикофанта – «Доносчик» (от φαίνω) (например, в примечаниях к: *Аристофан.* Комедии. Фрагменты / Издание подгот. В.Н. Ярхо. М., 2000. С. 972), но это уже домысел.

¹⁸ *Лисий.* Речи / Пер., статьи и комментарии С.И. Соболевского. М., 1994. С. 261 (предисловие к речи XXX).

¹⁹ Буквально: «город заполнен писцами, попрошайками, надувателями, всегда морочащими народ» (δημιπλιθήκων – досл. народая обезьяна, кривляка, обманщик народа).

- ²⁰ Данную проблему подробно исследовал Г. Калхун. Анализируя словоупотребление специальных терминов у Аристофана, Антифонта, Андокида, Лисия, Исея, он убедительно доказывает, что это новшество в процедуре появилось не раньше 70-х гг. IV в. до н. э. (*Calhoun G.M.* Op. cit. P. 183–187); его выводы являются общепризнанными.
- ²¹ «Далее следуют должности, в ведении которых хранение частных договоров и копий судебных решений; к ним же должны направляться письменные жалобы, и они же ведают судебными делами в их начальной ступени (ἐτέρα δ' ἀρχὴ πρὸς ἣν ἀναγράφεσθαι δεῖ τὰ τε ἴδια συμβόλαια καὶ τὰς κρίσεις ἐκ τῶν δικαστηρίων· παρὰ δὲ τοῖς αὐτοῖς τούτοις καὶ τὰς γραφὰς τῶν δικῶν γίνεσθαι δεῖ καὶ τὰς εἰσαγωγάς). В некоторых местах эту должность делят между несколькими лицами, а в других всем этим ведает одно должностное лицо. Обозначается она названиями «гиеромнемоны», «эпистаты», «мнемоны» и подобными словами (καλοῦνται δὲ ἱερομνήμονες καὶ ἐπιστάται καὶ μνήμονες καὶ τούτοις ἄλλα ὀνόματα σύνεγγυς)» (перевод С.А. Желбелева).
- ²² μνήμων, ονος – буквально «памятливый, не забывающий».
- ²³ См.: *Gagarin M.* Op. cit. P. 131.
- ²⁴ *Bonner R.J.* Evidence in Athenian Court. Chicago, 1905. P. 46–48). Лайзи датировал данное изменение примерно 390 г. до н. э. (*Leisi E.* Der Zeuge im attischen Recht. Frauenfeld, 1907. Reprint: New York, 1979. S. 87).
- ²⁵ *Calhoun G.M.* Op. cit. P. 191–192.
- ²⁶ Р. Боннер согласился с данной датировкой (*Bonner R., Smith G.* Op. cit. Vol. I. P. 362). См. также: *Harris W.V.* Ancient Literacy. Cambr. Mass.; London, 1991. P. 71.
- ²⁷ На ряд причин указывают: *Leisi E.* Op. cit. S. 87; *Bonner R., Smith G.* Op. cit. Vol. I. P. 354–362.
- ²⁸ Считается, что эта речь не принадлежит Демосфену.
- ²⁹ *Boegehold A.L.* A Lid with Dipinto // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to Eugene Vanderpool. Hesperia Suppl. 19. Princeton, 1982. P. 1–6.
- ³⁰ *Rhodes P.J.* Op. cit. P. 600.
- ³¹ Аристотель этой должности не называет, но её существование известно из надписей. В надписях эта должность обозначается как γραμματεὺς τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου (IG II² 1740). См.: *Rhodes P.J.* Op. cit. P. 603–604.
- ³² П. Родс с этим согласен, отмечая, что среди секретарей с 363/362 по 322/321 гг. до н. э. не было людей примечательных (Ibid.).

- ³³ ὕπογραμματα γὰρ ὑμῖν καὶ ὑπηρετῶν τῇ βουλῇ αὐτὸς ἐξηγεῖτο τὸν νόμον τοῦτον τῷ κήρυκι («ведь состоя у вас подписарем и прислуживая в Совете, он сам должен был изъяснять этот закон глашатаю» – перевод С.И. Радцига).
- ³⁴ См.: *Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics*. New York; Oxford, 1995. P. 30.
- ³⁵ «Что позднее в качестве подписаря у разных должностных лиц за две-три драхмы готов был на всякое мошенничество?» (Dem., XIX, 200 – μετὰ ταῦτα δὲ ταῖς ἀρχαῖς ὑπογραμματαύοντα καὶ δυοῖν ἢ τριῶν δραχμῶν πονηρὸν ὄντα); об Эскине и его брате: «...сами они, будучи подписарями и прислуживая при всяких должностях, скопили деньги» (Ibid., 249 – ὑπογραμματαύοντες δ' αὐτοὶ καὶ ὑπηρετοῦντες ἀπάσαις ταῖς ἀρχαῖς ἀργύριον εἰλήφεσαν) (перевод С.И. Радцига).
- ³⁶ Диэтет был одновременно и арбитром, пытавшимся решить дело миром и согласием, и судьей первой инстанции, выносившим приговор, если стороны не шли на компромисс. См.: *Gernet L. L'institution des arbitres publics à Athènes // Droit et société dans la Grèce ancienne*. Paris, 1964. P. 103–119.
- ³⁷ Реконструкция текста Kirchner – Roussel – Woodward (см.: *Woodward A.M. Notes on Some Attic Decrees // ABSA. Vol. 50. 1955. P. 274*). Справедливости ради заметим, что надпись дошла в весьма фрагментарном виде, более-менее читаются 2–4 строки:
γράφματα [8]ος ---
[ἔσ]οξεν τοῖς διαιτηταῖς ----
[κα]ίστεφανῶσαι αὐτὸς θαλλῶ στε[φάνωι]
- ³⁸ См.: *Ruschenbusch E. Die Diaitetenliste IG II/III² 1927 // ZPE. 1985. Bd. XLIX. S. 275*.
- ³⁹ *Harris W.V. Op. cit. P. 104–105*; также note 177.
- ⁴⁰ П. Родс приводит такие примеры данной тенденции: более широкое привлечение профессиональных секретарей к государственному делопроизводству; более подробные преамбулы декретов; издание официальных текстов пьес Эскила, Софокла и Еврипида: *Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Akten eines Symposiums 3.–7. August 1992, Bellagio / Hrsg. W. Eder. Stuttgart, 1995. P. 311*.
- ⁴¹ На эту особенность античного общества, неоднократно отмечаемую в литературе, обращают внимание и авторы последних работ, посвященных античной грамотности: *Harris W.V. Op. cit. P. 36, 38; Thomas R. Literacy and Orality in Ancient Greece. Cambridge, 1999. P. 2 et passim.*

- ⁴² См., например: *Глускина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 87.
- ⁴³ *Harris W.V.* Op. cit. P. 115.
- ⁴⁴ О процедуре принятия и изменения закона в IV в. до н.э. – см., например: *MacDowell D.M.* Law-making at Athens in the Fourth Century B.C. // *JHS*. Vol. 55. 1975. P. 62–74. Более подробный список источников и литературы – см.: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. С. 372, примеч. 5..